Геннадий ГЛАДКОВ: "КАКОЕ ВРЕМЯ — ТАКАЯ И МУЗЫКА..."

Завтра — 2005. — июль (№28). — С. 8

Композитор Геннадий Гладков — наш бесспорный лидер в жанре мюзикла, нынче особенно модного. Все знают его песни из спектаклей, художественных и мультипликационных фильмов "Бременские музыканты", "Голубой щенок", "Обыкновенное чудо", "Собака на сене", "Тиль", "Дороже жемчуга и злата", "Дон Сезар де Базан" и многих других. Только что в театре "Бенефис" под руководством Анны Неровной состоялась премьера спектакля "Ура, король!" с музыкой Геннадия Гладкова на стихи Юлия Кима по пьесе Евгения Шварца по сказкам Ганса Христиана Андерсена. Уже одно собрание блестящих имён обещает, что событие не пройдёт незамеченным.

— Геннадий Игоревич, можете ли вы сами с точностью сказать, какой это мюзикл у вас по счёту?

— За свою жизнь я много чего написал, но если брать только мюзиклы, то их у меня около тридцати. Не думаю, что это предел.

— Сейчас мюзиклы воистину только ленивый не ставит. Есть ли принципиальная разница между мюзиклом, музыкальным спектаклем и опереттой?

— Скорее терминологическая. Собственно, "мюзикл" — это прилагательное, означающее "музыкальный". Его используют для краткости. Оперетта — более весомое явление, с многовековой традицией. Она предполагает и более весомый звукоряд, и уровень исполнения повыше. Хотя в наше время и здесь всё перемешалось. Скажем, "Моя прекрасная леди", где много текста Бернарда Шоу, причисляется к мюзиклам. И "Jesus Christ Superstar", где только музыка и пение, чаще называют мюзиклом, чем рок-оперой. Всё же музыкальный спектакль — это нечто более демократичное, ибо здесь обычно поют непрофессиональные вокалисты.

— Как вы относитесь к поющим актёрам? Я имею в виду тех, кого природа, мягко говоря, не обременила избытком вокальных данных.

— В данном жанре человеку необязательно иметь голос — достаточно слуха. Разве у Армстронга был безупречный голос? А у французских шансонье? Или взять нашего Михаила Боярского, который был первым исполнителем Трубадура на театральной сцене, потом пел партию Луиса в моей "Дульсинее Тобосской"... А саму Дульсинею играла Алиса Фрейндлих, с которой мне посчастливилось долгое время работать в театре Ленсовета в Петербурге. В спектакле "Люди и страсти" ей не было равных. Великая актриса! В своё время я входил в жюри на конкурсах Андрея Миронова. Конечно, не у всех есть такой индивидуальный шарм, но актёр обязан обладать хотя бы минимальными музыкальными познаниями. Меня попросту убивает, когда в театре ставят на роль неспособного исполнителя и буквально на сцене начинают учить его музыке.

— Сами не поёте? Сейчас и композиторы этим грешат, даже авторские диски выпускают.

— Ни в коем случае. Только где-нибудь в подпевках при записи или на своих авторских вечерах. Более-менее заметная вокальная работа у меня одна — Король во второй части "Бременских музыкантов". Да и то вышло случайно. Должен был петь Муслим Магомаев, но он в тот момент отсутствовал, и я заполнил временную пустоту в фонограмме. А он послушал и сказал: "Мне нравится, как Гладков поёт". Так и оставили.

— Олег Анофриев стал известен именно после "Бременских музыкантов". Вы даже рисковали, поскольку и для вас эта работа была определённой вехой.

— Не совсем так — в своих кругах он был уже достаточно известен, записывался на студии "Мелодия", в том числе записал одну мою песню. Безусловно, "Бременские музыканты" во многом добавили ему популярности. Хотя сначала ещё никто не знал, что будет такой успех. Мы и не предполагали, что Олег споёт за всех, но он сам предлагал — и в итоге один человек вынес на себе почти весь фильм.

— Почему же во второй части пел Магомаев?

— Во-первых, не хотелось использовать тот же приём единого исполнителя. Во-вторых, Олег немного капризничал, что-то ему не нравилось... А семеро одного не ждут, как говорится.

— Магомаев не капризничал? Ведь он стажировался в "Ла Скала", а тут какой-то мультик...

— Нисколько. Были проблемы иного рода: из-за своей безумной занятости и популярности он был вынужден всё время прятаться, за ним целые толпы охотились. Но в работе он никакой "звёздности" не проявлял.

— Об этом мультфильме ходят масса легенд. Говорят, это была дипломная работа студентов ВГИКа, потому он и получился такой молодецкий, озорной...

— Нет-нет. Снимала режиссёр Инесса Ковалевская, это была не первая её работа. Всё делалось на студии "Союзмультфильм", серьёзно-солидно, без всякой самодеятельности. Да, все мы были молоды, чуть за тридцать, но опыт уже имелся. Сам сюжет подразумевал некую бесшабашность — мы же не случайно взяли сказку с героями-музыкантами. Другой вопрос, что сценарист Василий Ливанов и поэт Юрий Энтин всю эту историю значительно развили, ввели Трубадура, коего нет у братьев Гримм, облачили его в джинсы и так далее. За что им потом досталось по идеологической линии.

— Как вы выкручивались?

— Да никак. Мы делали своё дело, а ситуация вокруг складывалась сама собой. Если бы это был не мультфильм, то могли бы и "зарезать". А так проскочили. Впервые удалось выпустить мультик и пластинку одновременно. Она сразу разошлась миллионными тиражами — ведь пластинки были винилитовые, дети их быстро "запиливали" и приходилось покупать новые. Поэтому пластинка "По следам бременских музыкантов" долго лежала "на полке": не знали, как относиться к такому колоссальному влиянию на подрастающее поколение. Пока не вмешался Тихон Николаевич Хренников, который в то время был не только секретарём Союза композиторов, но и членом ЦК. На каком-то съезде он сперва поругал меня, что-де Гладков больше занимается кино, нежели серьёзной музыкой, но тут же заметил, что всё это симпатично, весёло, и, например, когда он кормит своего внука, тот требует, чтобы ему ставили "Бременских музыкантов". После этого ещё один яростный критик официально принёс мне извинения: его внуки тоже очень любили "Бременских музыкантов". В то время существовала "школа Кабалевского" по обучению детей музыке по строго отобранным произведениям. Может, властителей ещё и это задевало: почему у нас миллионы пластинок, а у идеологически выверенных вещей — хорошо, если сотни. Но когда нужно было выполнять план, "Бременских музыкантов" выставляли во всех киосках — и студия план закрывала.

— Бытует мнение, что продолжение удачного фильма всегда хуже начала. В вашем же случае получилось скорее наоборот: вторая часть "Бременских музыкантов" по музыке и сюжету едва ли не увлекательнее первой.

— Это как попадёшь, предсказать тут ничего нельзя. В Союзе композиторов тоже поговаривали: всё, они нашли "золотой ключ" и теперь могу брать любую из мировых сказок и превращать в мюзикл. Однако Ковалевская отказалась снимать вторую серию — снимал уже сам Ливанов, он всегда был у нас организационным лидером. Он тоже закончил Высшие режиссёрские курсы как мультипликатор, писал сценарии, сделал такие знаменитые мультяшки, как "Синяя птица", "Самый-самый", "Фаэтон — сын Солнца"... Поскольку прошло некоторое время, то и Трубадура мы решали сделать более взрослым, более баритонистым — для чего и пригласили Магомаева. В общем, компания была уже другая, новые силы. Получилось, что мы опять попали в цель, что действительно бывает редко.

— Но вот по поводу третьей части "Новые бременские музыканты" мнения не столь однозначно позитивные. Почему было не завершить эту трилогию тогда же, и правомерно ли выкапывать эту историю почти тридцать лет спустя?

— Вторую часть мы стали делать потому, что "Бременских музыкантов" хотели ставить в театре, а мультфильм идёт всего двадцать минут. Можно сказать жизнь заставила. Мы сделали полномасштабный мюзикл "Трубадур и его друзья", московская премьера была в Ленкоме, ленинградская — в Ленсовете. А третья часть — это наша реакция на день сегодняшний. Если бы у нас в стране не было перемен, мы бы ничего не сочиняли. Должен сказать честно: меня совершенно не трогает, как относятся к моим произведениям. Конечно, приятно, когда твои вещи нравятся, но если не нравятся — это ваше дело, господа. А моё дело — высказаться, как я хотел. По большому счёту тут и не могло быть прежнего резонанса. Прежде всего третья серия сделана как двойная, пятьдесят минут для мультика это много. К тому же появились моменты ностальгии и критики, что тоже снижает интерес. Я знаю, что многие богатые люди обиделись на банк "Бяки-буки", на разбойников-банкиров... Даже какие-то личные контакты я потерял. С одной стороны, это подтверждает, что мы попали в больное место, с другой — эти самые люди не сделали ничего для "раскрутки" фильма. Раньше фильм мог долго лежать под запретом, наконец, кто-то говорил "да" — и сразу миллионные тиражи. Теперь нужна огромная реклама, огромные деньги — в этом случае фильм имел бы куда больший успех. Тем не менее я рад, что мы, старики, это дело зафиксировали. Четвёртая серия уже не предвидится. Помимо мультфильма, есть диск, который нравится мне даже больше, там Ливанов начитал авторский текст. Что бы там ни было, музыку из этой части тоже знают, напевают.

— Тут явно какая-то загадка: почему ваш самый знаменитый мюзикл, сработанный фактически по американским стандартам, по сей день пользуется успехом, а прямые постановки на наших сценах бродвейских блокбастеров, как "Чикаго" у того же Киркорова, неизменно проваливаются?

— Вы не совсем правы насчёт следования американским стандартам: закваска у нас была европейская. Многие считали, что мы сделали пародию на западные рок-группы: в Трубадуре усматривали Элвиса Пресли, в этих четырёх зверушках — битлов... Элементы пародии если и имели место, то доброжелательной, свойской. Не сатира, а именно мягкий юмор. Но в то время тотальных запретов даже пародия воспринималась слишком серьёзно, это всё равно был прорыв. Теперь же магазины завалены любой аудио- и видеопродукцией, люди объелись иностранщины. "Чикаго" — это настолько древний мюзикл, что, наверное, и в Америке уже мало кому интересен.

В целом же здесь как нельзя более уместно употребить расхожее нынче слово "ментальность". Америка — нация ротозеев. У них забиты все стадионы, все концертные залы, они любят зрелищные мероприятия. У нас такое бывает только при очень важных событиях. Вообще-то это хорошо, потому что проводить жизнь на улице — тоже беда. Русскому человеку нужно нечто более душевное. Потому нам сложно понять уклад тамошней жизни: кто кого убил, кто кого продал... А мы, как дети, пытаемся подражать: насмотрелась Россия мексиканских сериалов и штампует их на свой лад. Или криминальные сериалы — один другого хуже. Вспомните, в девятнадцатом веке тоже была мода на французские водевили, но в России этот жанр так и не привился по-настоящему.

— Как вы работаете: за компьютером, за роялем или на нотной бумаге?

— Я воспитан в старой школе, предпочитаю ноты и инструмент. Синтезатор держу для интереса — и дома, и на даче... Компьютером не пользуюсь вообще. Я пропустил время, когда можно было в это углубиться и полюбить. Впрочем, компьютерный бум, похоже, уже прошёл, сейчас к этому опять отношение прохладное — видимо, все убедились, что музыку всё-таки сочиняет человек.

— Можно ли всё-таки как-нибудь алгебраически рассчитать оригинальную мелодию, которую будут насвистывать, настукивать?..

— Если бы такая формула успеха существовала, все бы сочиняли только шедевры. Если вы хотите знать, как ко мне приходят мелодии, то я сам этого не знаю. Моё дело — открыть ворота музыке. А придёт или не придёт... Счастье, если мелодия приходит от начала до конца. А бывает приходит одна половина, а вторую приходится мучительно дорабатывать. Или вовсе ничего нет, целая неделя выброшена из жизни, можно даже за стол не садиться. Или наоборот, накатит. К примеру, "Сватовство по-московски" мы с Кимом сочинили очень быстро, он писал стихи, а я тут же находил музыкальное решение. Островский мне близок — видимо, поэтому. Так что высчитать ничего нельзя. Другое дело — хитовая заданность. Появится какой-нибудь шлягер — и все начинают подражать, постепенно снижая его уровень и в конце концов обращая в труху. Сейчас зачастую говорят: "Ты не сочиняй, ты напиши мне похоже на то-то и то-то". Вы обращали внимание, что ручку радиоприёмника переключаешь, а музыка вроде вовсе не меняется — всюду одинаковое бум-бум-бум? И в метро у молодых людей в наушниках, и на пляже... Сплошной музыкальный фон, да такой однообразный, что дальше ехать некуда.

— Вы не тоскуете по худсоветам? Пусть был идеологический маразм, но вместе с тем был и качественный отбор.

— Тоскую оттого, что снижен общий уровень редактуры. На редактора сейчас смотрят как на врага, а правильно ли это? Если умный редактор, он подскажет. Однако теперь всё делают какие-то родичи, знакомые, тычут пальцами в клавиши вкривь-вкось... А музыка, особенно в мюзиклах, требуется разная. Тут одним вдохновением не обойдёшься, нужны технические познания. Если свобода, то прояви себя во всей полноте, укрась своё творение. Взять битловскую "Yesterday" — она же такая бедненькая в их исполнении! Но её как только не аранжируют. Потому что есть основа. А у нас наоборот — всякие там навороты, а сути нет. Хуже всего, что это не только в музыке. Свобода — она ведь для всех свобода: и для волка, и для зайца, и для птички. Только волк начинает жрать всех подряд, а заяц как бегал, так и бегает, только ему ещё труднее. Свободой больше пользуются волки. Хороший человек при любом режиме будет хорошим. А те, кто притворялись хорошими, — для них сейчас раздолье. Мы росли на других понятиях, у нас был свой кодекс чести. Словом, времена сейчас не радуют.

— В рекламе позволяете себя использовать?

— До последнего времени не разрешал категорически. Кроме "Уно моменто" из "Формулы любви" — тут уж меня упросили для каких-то макарон, песня-то шутливая... Но вот в мобильных телефонах пускать мои мелодии разрешил. Из-за того, что всё равно используют и при этом некачественно: меняют одну-две ноты, и это всё портит. Я говорю: "Ладно я буду разрешать, но чтобы хоть звучало грамотно и чтобы РАО могло проконтролировать".А вообще я против, когда в мобильниках звучит Бах или Бетховен, когда коверкают классику. У меня в телефоне обычный сигнал — и хватит. Пусть попсу в мобильники суют, ей и там самое место.

— Как вам нынешняя эпидемия римейков — когда старые песни перепевают в ультрасовременной обработке?

— Если обработка интересная — кто бы был против? Но опять же: общий уровень культуры сейчас низкий, поэтому гармонии оказываются тупые. Иной раз просто изумляешься невежеству тех, кто за это берётся. Вот в фильме "Джентльмены удачи" у меня была инструментальная тема, сопровождавшая эту воровскую компанию. Кто-то наложил на неё текст — что-то вроде "Один московский Кент по имени Доцент...". И теперь поют на полном серьёзе. У нас-то это было сделано с иронией, чтобы показать героев в потешном свете. А теперь получается, будто я написал блатную песню, каковые сейчас тоже в почёте. К тому же и мелодия там переврана. Вот вам и римейки: даже готовую вещь только сделать не могут, испохабят только.

— Но вот группа "Дубы-колдуны" перепела почти всех "Бременских музыкантов" весьма неплохо. На "Серенаду Трубадура" у них есть любопытный клип — видели?

— Однажды что-то мелькнуло по телевизору.

— Там в роли Принцессы снялась Ирина Хакамада. В прошлом году она была кандидатом в президенты. Её участие в вашей песне как-то расположило вас в её пользу? За кого вы голосовали?

— Со времён Брежнева я ни за кого не голосую. Считаю это бесполезным делом и всякий раз убеждаюсь в своей правоте: толку от этих голосований никакого. Беда нашего общества ещё в том, что мы всё ждём каких-то новых указаний, постановлений... Они и впрямь регулярно появляются, и хотя смысла не несут, народ приучили в них верить. А ещё у нас очень любят идолов. Какой-нибудь спортсмен случайно поставит новый рекорд — и он уже герой. Пусть он даже двух слов связать не может, все смотрят ему в рот, ждут каких-то советов. Я очень не люблю, когда говорят: "Кто твой кумир?" Давно и хорошо сказано: "Не сотвори себе кумира".

— Чего нам ждать от вас в ближайшее время?

— Театр Маяковского запросил у нас с Кимом сказку о Красной Шапочке, современный вариант. Причём не для старших школьников, а для совсем маленьких, чтобы они с родителями могли прийти посмотреть. Вообще там у нас действуют персонажи разных сказок — Айболит, Бармалей, Снежная королева... Посмотрим, что из этого получится.

Если заметили, я вообще неравнодушен к сказкам. Люблю мифологию, гоголевскую мистику. Там всё отделено от сегодняшней мороки, одна суть, философия присутствует. Сейчас пишу балет "Возвращение Одиссея" — именно на древнегреческий сюжет.

— Можно ли сказать, что ваша главная музыка уже написана?

— Не стану кокетничать: главное, что я мог сказать в музыке, я уже сказал. Сейчас возможны только какие-нибудь повороты в сторону других жанров — того же балета. Основное было сделано в семидесятые годы, когда были силы, был задор, было другое время. Сейчас время трудное. Ну а какое время — такая и музыка.

Беседу вёл Анатолий ТКАЧЕВ